

Дарья Кирноз

Память

Дарья Кириоз

Память

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53837299

SelfPub; 2020

Аннотация

Утрата. Не поймёт её тяжести её не испытавший. Днём, когда существование наполнено суетой дел, боль от потери разбавляется, как вода сиропом. Но день сменяется ночью и становится понятно, что это не сироп был на дне, а песок. И, оставленный в покое, предоставленный самому себе, этот песок ложится обратно на дно, вновь спрессовываясь в камень памяти. И камень этот не даёт тебе покоя.

Посвящается тем, перед кем мне уже не покаяться, но кому не нужно моё покаяние.

Тонкая розовая линия упала на горизонт придавленная неповоротливыми облаками, ещё чуть-чуть и совсем стемнеет. Тени от сосен доходят почти до берега. Костёр под котелком тихо потрескивает. Дикое место – медвежий угол, наверняка тут в ближайших домах не то что сети, даже электричества нет.

Аргус пару дней назад бежал от Города в летнее марево этой непроходимой и такой умиротворяющей своей неизменностью глуши. Один, с палаткой и бесконечной тягой к покою. Он сидел на камне и старался ни о чём не думать. Не думать не получалось. Влажный воздух принёс неизвестно откуда запах свежей сдобы. Свело почему-то не желудок, а солнечное сплетение.

Спазм комом поднялся к горлу, глаза намокли. Аргусу вспомнилось прошлое, вспомнилась Она. Как они сидели с Ней в таком же жарком июле на балконе, смотрели на парк и пили чай. Чай был летний, тёмно-соломенного цвета и пах свежими травами. Она смотрела на Аргуса большими серо-голубыми глазами, нежно улыбалась и пододвигала к нему ближе блюдо с куском клубничного пирога. И Она была большой, а он – маленьким.

Она была лучшим и иногда единственным другом, самой любящей, самой нужной. Она, кажется, единственная по-на-

стоящему понимала и единственная вдохновляла.

Однажды пережив утрату, ты уже навсегда несёшь в себе её отпечаток. Случайный звук, запах, предмет может острым скальпелем вскрыть этот шрам, вернув в состояние раны. И не важно, сколько времени прошло, насколько счастлив ты сейчас, в любую секунду забытая боль потери может рассечь тебя молнией. Она в один миг заставит вспомнить всё: любовь, страх, беспомощность, ярость, вину, опустошённость.

В Город он вернулся за два с небольшим месяца до сегодняшнего вечера. Уже умытый от зимней грязи, тот встретил Аргуса солнцем и сиянием витрин. В большом парковом пруду возле их старого дома всё так же плавали наглые и толстые утки, а мамы с детьми приходили кормить эти стаи хлебом. Майская роща пахла новорожденными листьями.

Удивительно, но возвращаться было не больно. Семь с лишним лет назад Аргус бежал из этой квартиры, из этого дома, из этого Города. Тогда жизнь его изменилась за несколько дней. Всё, что было дорого, но казалось незначительным, оттого, что было привычным, перестало существовать. Нет, всё осталось на своих местах, не было лишь Её.

В том страшном декабре Аргус был здесь в последний раз. Он в пылу глупой ссоры по какой-то нелепой незначительной причине говорил Ей что-то про то, что уже не ребёнок, он сам может решать, что делать и о чём думать. Бушевал о том, что ему всё осточертело и нужна свобода от Её опеки. «Мне иногда кажется, что лучше мне будет без тебя, без

твоих нотаций» – это последнее, что он сказал Ей перед тем, как хлопнуть дверью, уходя из дома.

Она умерла, не приходя в сознание, через пять наполненных отчаянием дней. Неоперабельная опухоль мозга. Аргус не смог ни извиниться, ни исправить, ни простить себя. Он бежал, никого не предупредив, бросив тех, кого считал друзьями, бросив всё, что дорого. Он взял с собой лишь память и безмерное чувство вины, хотя именно их хотелось оставить в этом Городе.

Жизнь иногда играет человеком и, обходя что-то самой дальней тропой, петляя по затейливым её лабиринтам, однажды ты оглядываешься и внезапно обнаруживаешь себя прямо в центре того, что так тщательно избегал.

Аргусу пришлось вернуться в Город. Поначалу ему даже показалось, что время сделало своё дело и больше нет того мучительного надрыва и ярости бессилия. И верилось, что многие увиденные страны и города, пережитые события и встреченные люди превратили невыносимую тяжесть воспоминаний в тёплую грусть ностальгии.

Дни, когда существование наполнено суетой дел и встречами с незнакомыми уже знакомцами, разбавляли возвращающуюся боль, как вода разбавляет сироп. Но день сменяется ночью и становится понятно, что это не сироп был на дне, а песок. И, оставленный в покое, предоставленный самому себе, этот песок ложится обратно на дно, вновь спрессовываясь в камень памяти. И камень этот не даёт тебе покоя.

Аргус толком не спал уже два месяца. Он проводил ночи, отчаянно пытаясь уснуть, ворочаясь, мысленно убивая скрипящих полами соседей сверху, будто дело было в них. Он пробовал не пить кофе, пробовал пить гремучую смесь из пустырника, валерианы и прочих ведьминых трав, пробовал просто пить. Но сон, кажется, не приходил к нему, хотя сомнологи утверждают, что такое невозможно.

Испепелённый и обессиленный этим убивающим ночным марафоном, покончив с важными делами, Аргус бежал из Города в самую глухую глушь из тех, до которых мог доехать. Первая же ночь на берегу этого дикого озера благословила его глубочайшим падением в тёмное забытье сна.

Аргус вернулся к жизни утром, резко, и, совершенно точно, от собственного крика. Он видел сон и видел в нём Её. У людей, переживших потерю, бывают сновидения особого рода, такие желанные в реальности и такие реальные во сне. Настолько реальные, что проснувшись и осознав, что тех, кто приснился, давно уже нет, ты переживаешь эту утрату вновь и сильнее даже, чем в первый раз. В том сне он говорил с Ней.

– Как мне искупить вину перед тобой? – спрашивал Её Аргус, – Я никак не могу себя простить.

– Не надо искупать. – Она положила ему руки на плечи, как в детстве, – Ты сначала прости себя, а искупление придёт само. Ты узнаешь его.

На этом месте Аргус сегодня проснулся. Он, кажется, не

понял ничего, о чём она хотела ему сказать.

И вот вновь, как и каждый вечер, вечное солнце садится за лесом. Малиновые ветки уже настоялись в горячем котелке, и железная кружка чая с тем самым вкусом уже почти допита. Затушив костёр, Аргус забирается в палатку и на седьмом выдохе засыпает.

Этой ночью он вновь видит сон. На этот раз, они сидят на том самом балконе и пьют чай. И Она смотрит на него большими серо-голубыми глазами, хитро улыбаясь и подтягивая ближе к себе блюдце с куском клубничного пирога. И, на этот раз, он – большой, а Она – маленькая. И, видимо, это сон о грядущем.

©Дарья Киринос

Для подготовки обложки издания использовано изображение с сайта <https://pixabay.com/> по лицензии ССО